

СВЯТА СИНЕСА ДИ
МИТРИА МИРОПОЛУ
РОСТОВСКАГО УДО ВО

СВЯТА СИНЕСА ДИ

Жизнь, отданная молитве, проповеди и книгам

В этом году исполнилось 375 лет со дня рождения святителя Димитрия Ростовского, автора знаменитого сборника «Жития святых». О том, в какую эпоху жил и служил ученый митрополит, какая среда его сформировала, как он выбрал путь церковного историка и агиографа, рассказывает старший преподаватель кафедры Общей и русской церковной истории и канонического права богословского факультета ПСТГУ **Алексей Крылов**.

В самом начале XVII столетия Шекспир вложил в уста Гамлета слова: «Век распался — и скверней всего, что я рожден восстановить его!» Увы, весь век прошел в безуспешных попытках восстановления. Богословские споры сплетались с политическими интригами, бесконечная война сменялась полным раздором миром, великие надежды оборачивались великими разочарованиями. Однако гармония казалась недостижимой даже в искусстве, а святость — лишь преданием древних времен, а то и благочестивой сказкой. Именно в этом разорванном и уставшем от себя мире родился святитель Димитрий Ростовский — первый святой Российской империи.

Сын казака

Будущий святитель появился на свет в декабре 1651 года в местечке Макаров под Киевом и был крещен с именем Даниил. Его отец, Савва Григорьевич Савич, по прозвищу Туптало, происходил из православной шляхты Правобережья и служил в казацком войске Богдана Хмельницкого. В год рождения сына Савве исполнилось пятьдесят два года — для воина возраст почтенный. Мать, Мария Михайловна, была глубоко верующей женщиной.

В те годы Макаров формально входил в состав Речи Посполитой, но на деле Поднепровье находилось под властью мятежных казаков. В 1654 году Запорожское казацкое войско

присягнуло на верность русскому царю. Россия вступила в долгую войну с Речью Посполитой. После кончины Богдана Хмельницкого в 1657 году новым гетманом стал Иван Выговский, глава гетманской канцелярии. В 1658 году Выговский изменил царю и принял сторону польского короля. Наступили времена Руины, когда казацкие командиры и гетманы переходили на службу то к царю, то к королю, то к султану, с упоением проливая кровь в бесконечных сражениях. Крымские татары уводили в рабство десятки тысяч пленных.

Киевская митрополия фактически разделилась на две части — под властью польского короля и под властью русского царя. С конца 1650-х годов киевские митрополиты жили на Правобережье, а на Левобережье церковными делами занимались черниговский архиепiscop Лазарь (Баранович; ?–1693) и настоятель Киево-Печерской обители Иннокентий (Гизель).

В то время когда другие казацкие командиры с легкостью меняли господ и нарушали присягу, Савва Туптало отличался неколебимой верностью: присягнув русскому царю в 1654 году, он верно служил ему до глубокой старости. Господь благословил казака крепким здоровьем и долголетием: в боях и походах он прожил до ста четырех лет и скончался лишь в 1703 году.

В 1660 году Савва Туптало вместе с семьей переехал в Киев — тогда это был не только церковный центр с прославленной Киево-

Святитель Димитрий Ростовский. Неизвестный художник. 1651–1709 гг. Последняя треть XVIII в. ММДА «ЦАК» (слева)

Портрет
архиепископа
Черниговского
и Новгород-
Северского Лазаря
(Барановича).
Эстамп.
1840–1850-е гг. РНБ
(слева)

Архимандрит
Иннокентий
(Гизель). Эстамп.
1860-е гг. РНБ
(справа)

Печерской обители, но и оплот российской власти в Поднепровье.

Учеба

В 1662 году Даниил поступил в Киево-Могилянскую коллегию. Это учебное заведение было создано в 1633 году святителем Петром (Могилой; 1596–1647) и располагалось в стенах Братского Богоявленского монастыря на киевском Подоле. Долгие годы коллегия была единственным в мире православным высшим учебным заведением. Многие из архиереев и настоятелей монастырей Киевской митрополии в те годы были выпускниками и преподавателями Могилянской коллегии, и в годы Руины они прилагали все усилия, чтобы сохранить православную ученость.

Католическое духовенство и особенно иезуиты изыскивали любую возможность, чтобы закрыть ненавистную духовную школу под предлогом ереси или политической нелояльности. Однако преуспели лишь казаки гетмана Ивана Выговского, которые в 1658 году в безуспешных попытках взять Киев сожгли здание коллегии на Подоле. Занятия прекратились, преподаватели разошлись.

В 1662 году коллегия вновь открылась под руководством прославленного проповедника и полемиста Иоанникия (Галятовского; 1620–1688). В последующие годы Даниил Савич осваивал грамматику, риторику и поэтику, изучал латинский и польский языки. Вместе с ним учился и сын киевского воеводы Борис Петрович Шереметев — будущий полководец Петра Великого. Наставниками коллегии были ученые монахи Варлаам (Ясинский; 1627–1707) — будущий митрополит Киевский — и Мелетий (Дзик), ставший духовным отцом будущего святителя. Иноки воспитали в Данииле любовь к строгой монашеской жизни и книжному труду.

В 1667 году многолетняя русско-польская война завершилась Андрусовским перемирием: обе державы, опасаясь наступления турок, прекратили военные действия. Россия удержала за собой Левобережье и Киев. Однако это было лишь перемирие, после которого ожидалось возобновление военных действий... Руина продолжалась. И если в российских владениях, в Киеве и Чернигове, Православная Церковь постепенно укреплялась, то в Речи Посполитой королевские власти были убеждены, что все

православные — потенциальные сторонники московского царя или османского султана, а потому всеми правдами и неправдами добивались распространения церковной унии.

В 1668 году Даниил принял постриг с именем Димитрий в киевском Кирилловском монастыре, где настоятелем был Мелетий (Дзик). Семь лет, проведенных в тихой обители на окраине Киева, стали для юного монаха временем напряженного внутреннего роста. Он изучал творения отцов Церкви, вникал в тонкости богословия. Синодальное житие, составленное вскоре после кончины святителя, сохранило выразительную деталь: он «первое всех обреташеся на церковном пении, последние же исхождаше» — то есть приходил в храм первым, а уходил последним. Глубокая молитва и книжные труды станут тем путем, на котором Димитрий достигнет святости.

Среди современников Димитрия признаком высшей учености считались познания во «второй схоластике» — утонченной богословско-философской системе, созданной поколениями католических мыслителей. Однако будущий святитель схоластику не изучал и в целом не проявлял к ней особого интереса. Его интере-

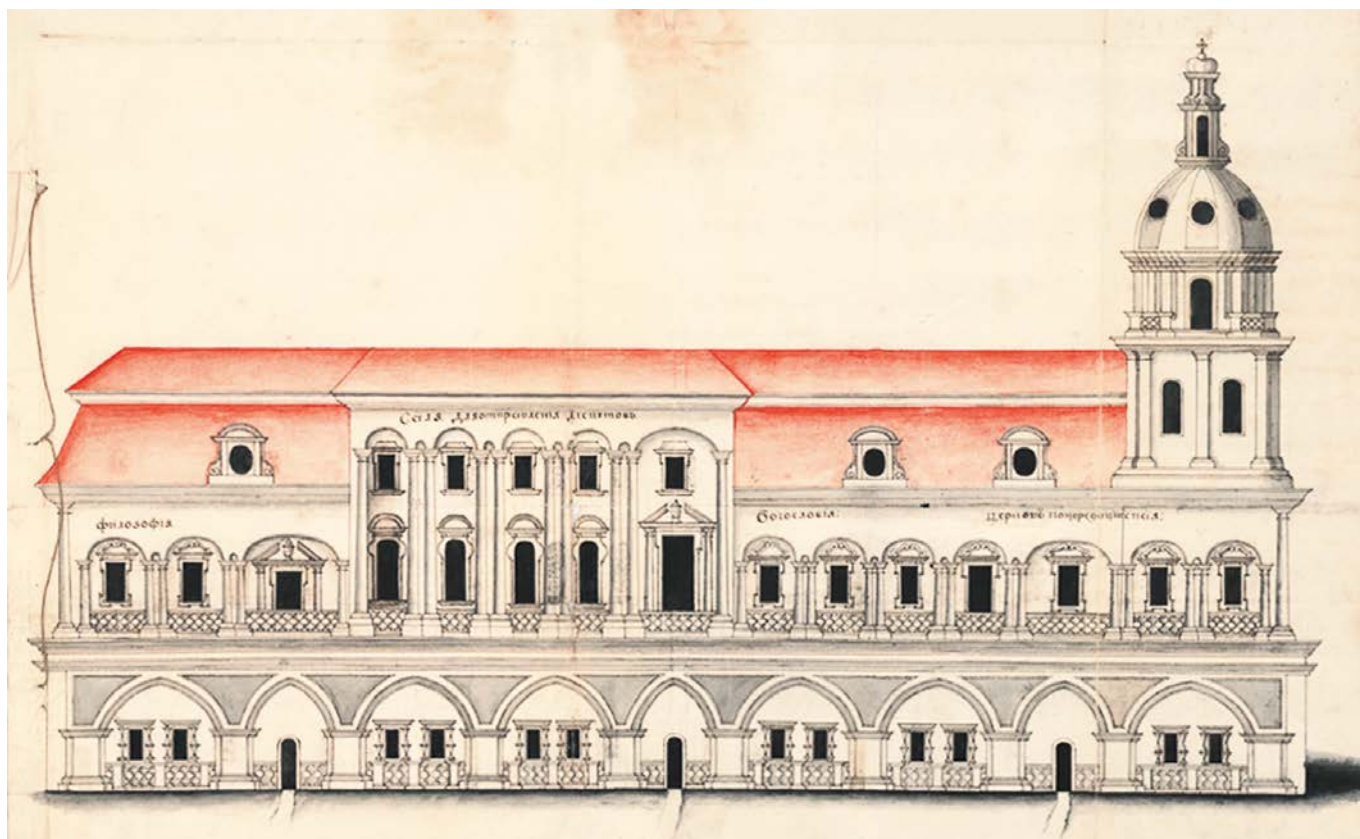
совали искусство проповеди и история — так же, как и его далеких предков, книжников древнего Киева.

Чернигов, Слуцк, Батурин

В 1675 году архиепископ Черниговский Лазарь (Баранович) рукоположил Димитрия во иеромонаха и назначил проповедником в своей епархии. Здесь, в Чернигове, начался литературный путь Димитрия. Под руководством Иоанникия (Галятовского), бывшего в те годы настоятелем одного из здешних монастырей, юный иеромонах написал свою первую книгу — «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии». Этот труд, изданный в 1677 году, представлял собой описания чудес от икон, сопровождавшиеся поучениями.

Уже в этом раннем сочинении проявился подход молодого инок к ученым трудам: он часто цитировал Священное Писание, восточных отцов — великого проповедника святителя Иоанна Златоуста, аскетов — преподобного Иоанна Лествичника, преподобного Макария Великого и преподобного Ефрема Сирина, а также «Евангелие учительное» Патриарха Каллиста — сборник поучений, восходящий к византийской

Академический корпус Киево-Могилянской коллегии с расположением философского и богословского отделений по проекту Готфрида Шеделя. 1731 г.

**Святитель
Димитрий,
митрополит
Ростовский,
чудотворец. Лубок.
1861 г. РГБ**

исихастской традиции XIV века. Античных и католических авторов Димитрий цитирует лишь для «прилогов» — поучительных примеров, которые делали проповедь более выразительной.

Чернигов в те годы был одним из немногих безопасных мест в Малой России. В 1672 году турки-османы по приглашению гетмана Дорошенко начали кампанию в Восточной Европе. Покорив польскую Украину, турки двинулись к Днепру, где столкнулись с царскими войсками. В Речи Посполитой на выборах короля победил Ян Собеский, который начал новое гонение на православных, вынуждая их принять унию в подтверждение своей политической лояльно-

сти. Судьба Киева была неопределенной — разорят ли его святыни турки или торжествующие поляки вернутся в город и передадут его древние обители униатам? Киево-Печерский архимандрит Иннокентий (Гизель; ?–1683), видя в происходящем гнев Божий за грехи народа, призвал свою паству к сугубому покаянию. Бог явил милость: турки, утомившись в тяжелых боях с русскими войсками за город Чигирин, отказались двигаться дальше и в 1681 году подписали мир с Россией.

В 1677 году Лазарь (Баранович) отправил иеромонаха Димитрия в Великое княжество Литовское (земли современных Литвы и Белорус-

сии), чтобы молодой проповедник поддержал единоверцев в их противостоянии униатам. Тот присутствовал при перенесении чудотворной Новодворской иконы, затем посетил Вильно, где произнес несколько проповедей, и наконец оказался в Слуцке, при Преображенском братстве. Здесь по просьбе местных православных, нуждавшихся в образованном проповеднике, он задержался почти на год. Позднее, уже став Ростовским митрополитом, Димитрий будет помогать виленским братчикам книгами и деньгами.

В Слуцке отец Димитрий познакомился с «Диариушем», то есть дневником святого Афанасия Брестского, замученного униатами в 1648 году. Это сочинение, сочетавшее автобиографию с полемикой против унии, произвело на будущего святителя сильное впечатление: он сам начал вести «диариуш», первая запись в котором относилась именно к этому времени.

По возвращении в Россию в 1679 году его назначили настоятелем Николо-Крупницкого монастыря под Батурином. Эта небольшая обитель в лесу на берегу реки Сейм стала его домом на долгие годы. Здесь Димитрий в 1682 году стал игуменом. Батурин в те годы был столицей гетмана Ивана Самойловича, и Николо-Крупницкий монастырь пользовался особым покровительством казацкой старшины.

Однако игумен Димитрий, как и прежде, искал прежде всего уединения для молитвы и книжных трудов. В 1683 году он выпустил второе издание своей книги о чудесах, расширенное и дополненное. Это сочинение, озаглавленное «Руно орошенное», состояло из описаний двадцати четырех чудес с нравоучительными толкованиями в стихах. Книга имела большой успех и многократно переиздавалась, в отличие от первой книги, ставшей библиографической редкостью. В эти годы будущий святитель стяжал репутацию человека ученого и благочестивого.

Крупницко-Батуринский монастырь, вид с юга. Литография Иорданова по рисунку Тихоновского. 1859 г. (вверху)

Летописец келейный (внизу)

*Митрополит Петр
(Могила)
(слева)*

*Святитель
Димитрий,
митрополит
Ростовский.
А. Морозова. 1861 г.
РГБ
(справа)*

Четьи Миней

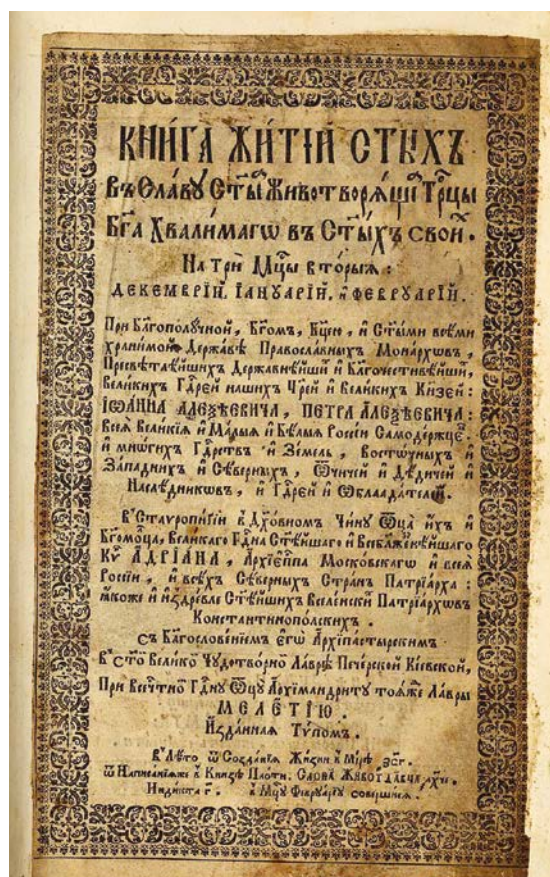
В 1684 году произошло событие, определившее всю дальнейшую жизнь игумена Димитрия. Киево-Печерский архимандрит Варлаам (Ясинский) дал ученому монаху послушание составить новые славянские Четьи Миней — собрание житий святых, расположенных по дням церковного года.

Замысел был непростым. В XVII веке в православной Восточной Европе остро ощущалась нехватка книг о православных святых. Католические полемисты прямо указывали на это как на свидетельство упадка Православия, иронично замечая, что православные священники зачитывают прихожанам жития святых, изданные польским иезуитом Петром Скаргой. Некогда святитель Петр (Могила) задумывал издать православный сборник житий святых, но не успел, а потом, среди войн и разорений, было уже не до того. Поэтому требовалось не просто собрать жития, но издать труд, который по полноте и научной основательности не уступал бы католическим изданиям — и вместе с тем был бы доступен любому грамотному православному.

Работа над «Книгами житий святых» заняла двадцать лет и стала главным делом жизни святителя Димитрия. Всего он собрал 664 жития — от ветхозаветных патриархов до русских святых. Каждое из житий было самостоятельным литературным произведением, в котором автор излагал известия о святом, собранные из различных источников. Стиль изложения Димитрия сочетал лаконизм, образность и простоту, а церковнославянский язык был чист и приближен к литературному русскому. В кратких примечаниях разъяснялись географические названия, переводились греческие и латинские термины, указывались разночтения в источниках. Наряду с житиями в книге содержались сказания о праздниках и назидательные повести. Все это делало книгу понятной и простому читателю, и взыскательному интеллектуалу.

«Книги житий святых» были первым серьезным опытом церковно-исторического исследования в России: чтобы уточнять даты и согласовывать разноречивые свидетельства житий, автор привлекал исторические труды — от Евсевия Кесарийского до русских летописей.

Сборник
житий святых,
выписанных
из Четьих Миней
святителя
Димитрия
Ростовского.
Рукопись
начала XIX в.

Изначально святитель опирался на известные в Киеве и Чернигове рукописи, а также на латинские издания древней агиографии — «Жития святых» Лаврентия Сурия и «Римский мученик» Цезаря Барония. Однако их не хватало, а подлинные сокровища хранились в Москве.

Весной 1686 года после долгих переговоров российские дипломаты получили от Константинопольского Патриарха согласие на передачу Киевской митрополии под омофор Московского Первосвященителя. Вскоре после этого по ходатайству гетмана Самойловича из Москвы в Батурин прислали первые тома Великих Четьих Миней митрополита Макария — грандиозный свод, составленный в Москве в середине XVI века. Теперь отец Димитрий мог сопоставлять древнерусскую книжность, собранную в макарьевских Минеях, и западноевропейскую ученую агиографию. Примечательно, что при значительных расхождениях между ними он отдавал предпочтение Великим Четьим Минеям.

В 1689 году в киево-печерской типографии был напечатан первый том «Книг житий святых», с сентября по ноябрь. Том был отправлен

Патриарху Иоакиму. Однако тот внезапно потребовал вернуть Четьи Миней в Москву, и игумен Димитрий был вынужден отослать драгоценные фолианты, так и не успев в полной мере с ними поработать. В чем же была причина патриаршего гнева?

Споры о времени пресуществления

Весной 1686 года Россия вступила в войну против Османской империи, поддержав католические державы — Священную Римскую империю, Венецию, Речь Посполитую и самого Папу Римского. Этот шаг был плодом политики царевны Софьи и ее ближайшего советника князя В. В. Голицына. В Москве сближение с католиками вызвало недовольство окружения юного царя Петра, и прежде всего — Патриарха Иоакима. Это создало почву для богословского спора о времени пресуществления Святых Даров на Литургии.

Братья Иоанникий и Софроний Лихуды, ученые греки, приехавшие в Москву в 1685 году, обвинили ученого иеромонаха Сильвестра (Медведева; 1641–1691) в том, что он учит о пресуществлении в момент произнесения

Крылов Алексей Олегович — доцент кафедры истории факультета социально-гуманитарных наук МГТУ имени Н. Э. Баумана, старший преподаватель кафедры общей и русской церковной истории и канонического права богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), младший научный сотрудник центра истории богословия и богословского образования богословского факультета ПСТГУ. Руководитель магистерской программы богословского факультета ПСТГУ «История Церкви в свете православного богословия».

В 2009 г. окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, кафедра истории России до начала XIX в. В 2015 г. защитил диссертацию «Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII — начала XVIII в.».

Среди научных интересов: церковная и политическая история России раннего Нового времени, личность и наследие святителя Димитрия Ростовского, православные интеллектуалы в раннее Новое время, церковная реформа Петра Великого.

Христовых слов («Приимите, ядите...»), тогда как, по мнению греков, оно совершается во время епиклезы — молитвы призывания Святого Духа. Спор быстро вышел за рамки теологической дискуссии и приобрел политический характер: Сильвестр был приближенным царевны Софьи, а Лихуды пользовались поддержкой Патриарха Иоакима. Тем самым за богословским спором скрывалось противостояние правительницы и окружения молодого царя.

Сильвестр ссылался на книги, напечатанные в Киеве, поэтому в Киеве и Чернигове поддержали его позицию. Игумен Димитрий также внимательно следил за этими событиями — в его библиотеке сохранились конспекты полемических сочинений обеих сторон. Однако он не спешил примыкать ни к одной из партий.

Патриарх Иоаким заподозрил малороссийское духовенство в тайной склонности к унии и потребовал доказать правоверие. Потому-то Первоиерарх был разгневан, узнав, что в Киеве издали том «Книг житий святых» без его благословения, к тому же в книге Патриарх усмотрел несколько мест, напоминавших латинское учение.

Чтобы разрешить недоумение, в 1689 году в Москву отправилось посольство от Киевского митрополита и Черниговского архиепископа. В него вошли святитель Феодосий, архиепископ Черниговский (Полоницкий-Углицкий; 1630-е — 1696), и игумен Димитрий. Посольство прибыло в самый напряженный момент противостояния Петра и Софьи: молодой

царь и поддержавший его Патриарх Иоаким находились в Троице-Сергиевом монастыре, царевна — в Кремле. Отец Димитрий вместе с посольством посетил обитель, лично встретился с царем и Патриархом и произвел на них благоприятное впечатление.

Вернувшись в Батурин, ученый монах написал собственный трактат «Рассуждение о пресуществлении Святейшей Евхаристии», в котором предлагал свой ответ на спорный вопрос. По его мнению, и слова Христовы, и молитва епиклезы необходимы для совершения таинства и ни одна из них не является единственной «формой». «Аще бо сами собою и не пресуществляют Святых Даров, обаче действительно приустроает к имущему абие Духом Святым совершатися пресуществлению», — писал он. Особое внимание он уделил вопросу о поклонах на «Господних словесах»: доказывал, что поклон не грех, если человек исповедует правую веру. «По вере бо паче поклон судится у Бога, ниже по самом токмо главы поклонении», — заключал он.

Ученый монах становится архиереем

Весной 1690 года Патриарх Иоаким скончался. Новый Патриарх Адриан был более благосклонен к киевской учености и лично поддерживал труды игумена Димитрия. В Батурин снова выслали Великие Четьи Минеи. В 1693 году отец Димитрий получил из Гданьска 18 томов «Acta Sanctorum» — фундаментального издания, значительно расширившего его источни-

ковую базу. Второй том «Книг житий святых» вышел в 1695 году.

В 1697 году игумен Димитрий был назначен настоятелем Киевского Кириллова монастыря, а затем стал архимандритом Елецкого монастыря в Чернигове. Все это время ученый инок не оставлял литературных трудов, переписывался с московскими учеными монахами, в первую очередь с иеромонахом Феологом, который помогал ему разыскивать редкие рукописи. В 1700 году был напечатан третий том «Книг житий святых». Казалось, что завершение многолетних трудов уже близко. Однако в судьбе Димитрия Савича вновь произошла крутая перемена.

Петр I задумался о том, чтобы обратиться к Китаю и Сибири в Православие. Для этого он желал назначить на Tobольскую митрополию образованного проповедника. Киевский митрополит рекомендовал царю отца Димитрия. Весной 1701 года ученый архимандрит прибыл в Москву, где был возведен в сан митрополита Tobольского.

Сибирская епархия была самой большой в мире и простиралась от Урала до Камчатки. Архиерейство здесь было подвигом: большая часть сибирских митрополитов XVII–XVIII веков прославлена в лике святых. Однако учеными трудами в Tobольске заниматься было невозможно — тем самым «Книги житий святых» остались бы незавершенными.

От переживаний святитель Димитрий тяжело заболел. Царь лично навещал архиерея и после беседы с ним повелел оставить владыку в Москве. В начале 1702 года владыка Димитрий был определен митрополитом Ростовским и Ярославским, а на Tobольскую кафедру был возведен святитель Филофей (Лещинский; 1650–1727), будущий миссионер и просветитель Сибири.

Ростовская митрополия была одной из древнейших и богатейших епархий России, она охватывала пять уездов, включая города Ярославль, Углич и Переславль-Залесский. Здесь сохранялись традиции, заложенные митрополитом Ионой (Сысоевичем; около 1607–1690), который во второй половине XVII века украсил город великолепными храмами. Однако времена изменились. Северная война требовала огромных средств,

и с 1700 года церковные доходы были переданы в ведение Монастырского приказа. Поэтому Ростовский владыка постоянно испытывал нужду в деньгах.

Святитель Димитрий был Ростовским митрополитом недолго, всего восемь лет. За это время почти полтора года он провел в Москве, на чреде архиерейского служения. Однако именно здесь владыка стяжал свою вечную славу.

Личность и характер святителя

Среди деятелей русской церковной истории рубежа XVII–XVIII веков митрополит Димитрий Ростовский выделяется тем, что о нем сохранилось куда больше сведений, чем о большинстве его современников. Мы располагаем не только его трудами и житием, но и личным дневником — «Диариушем», обширной перепиской, рукописными сборниками с собственноручными пометками и даже его библиотекой, где маргиналии на полях книг позволяют увидеть, о чем размышлял святитель, когда изучал эти сочинения. Сохранился его прижизненный портрет. Для той эпохи, когда даже видные архиереи часто остались для потомков лишь именами в синодиках, это редкость. Богатство источников дает возможность не просто перечислить вехи биографии, но увидеть живую мысль человека, оказавшегося в центре бурных событий, определивших судьбу православной Восточной Европы на столетия вперед.

Переписка святителя знакомит нас с человеком доброжелательным и внимательным к людям. Он поддерживал отношения с московскими учеными монахами — Феологом и Карионом (Истоминим; 1640-е – 1722), с митрополитом Стефаном (Яворским; 1658–1722), с новгородским владыкой Иовом. Охотно делился трудами и книгами, помогал деньгами бедным монастырям и братствам. В 1706 году, когда Виленское православное братство обратилось к нему за помощью, он откликнулся и оказал материальную поддержку.

Митрополит Димитрий был человеком глубоко смиренным, что не раз отмечали современники. В своей «духовной грамоте», составленной в 1707 году, он писал: «Я смиренный архиерей Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский... готовясь к исходу от сей

жизни, решил этой духовной грамотой моей со-
творить известным всякому, кто возжелает по
кончине моей получить мое келейное имуще-
ство... сокровище и богатство, которое от юно-
сти моей не собирал... не собирал имущества...
кроме книг... не собирал злата и серебра, не из-
волил иметь излишних одежд, ни каких-либо
вещей, кроме самых необходимых». Эти слова
подтверждаются и его образом жизни: он жил
аскетично, все силы отдавая молитве, пропове-
ди и книгам.

Труды митрополита

Уже в сентябре 1702 года святитель Дими-
трий открыл в Ростове училище. Школа распо-
лагалась при архиерейском доме и походила
на Киевскую коллегию времен его юности: те
же «низшие классы» — грамматика, риторика,
поэтика, те же порядки, когда сам глава школы
занимается с лучшими учениками. Преподава-
лись латынь и греческий — редкое для Велико-
россии тех лет сочетание. Специально для заня-
тий Димитрий написал «Келейный летописец»,
где излагал Священную историю с дидактиче-
скими комментариями. Ученики участвовали
в театральных постановках на библейские сю-
жеты. «Рождественская драма» и «Успенская
драма» до сих пор изучаются историками лите-
ратуры как первые образцы школьного театра
в России. В 1705 году Димитрий на целый год
уехал в Москву, и без его надзора дисциплина
упала. Вернувшись, он писал ученикам: «Слы-
шу о вас худо, место учения учителя разворачи-
тия, неции от вас и вслед блуднаго сына пошли
с свиньями конверсовати».

Не менее важным делом для святителя Ди-
митрия было попечение о достойном соверше-
нии таинств. Обезжая епархию, митрополит
столкнулся с вопиющим небрежением со сто-
роны духовенства. Однажды в сельском хра-
ме он спросил священника, где хранится Тело
Христово, и тот совершенно не понял вопроса.
Пришлось пояснить, что речь идет о «запасе», —
и лишь тогда иерей показал сосуд «зело гнус-
ный». Это происшествие побудило митрополи-
та написать подробные наставления клирикам
о благоговейном отношении к Святым Дарам.
Он требовал, чтобы священники готовились
к Литургии постом, молитвой и исповедью,
а также учил прихожан причащаться не реже

четыре раз в год — многие тогда ограничива-
лись одним причастием в Великий Четверг или
на Пасху, а то и вовсе не приступали к Святым
Таинам многие годы.

Проповедник и мистик

Годы архиерейского служения стали време-
нем расцвета святителя Димитрия как пропо-
ведника. Слова к пастве, произнесенные в Мо-
скве и Ростове, отличались глубиной мысли
и простотой языка. Он избегал сложных ри-
торических фигур, предпочитая ясность и до-
ступность. Здесь древние западные отцы — свя-
титель Амвросий Медиоланский и Григорий
Двоеслов — соседствовали с восточными пре-
подобными — Иоанном Лествичником, Мака-
рием Египетским, Ефремом Сириным, Исааком
Сириным. Однако самым любимым из духов-
ных писателей у святителя Димитрия оставался
Иоанн Златоуст.

В своих проповедях святитель Димитрий вы-
ступает прежде всего как мистик и тайновидец.
Потому его слова — это не рациональная экзе-
гега текста, а развернутые «видения» духовно-
го мира. Библейский текст в них является не
объектом ученого анализа, а отправной точкой
для рождения зрительного образа — святитель
часто использует выражения «вижду умными
очима», «смотрю чрез перспективу» (то есть
подзорную трубу). Вся проповедь развивается
из этого чувственно-духовного «узрения», где
символ не иллюстрирует мысль, а истолковыва-
ется, «расшифровывается», порождая все новые
значения.

Сама форма проповедей святителя отме-
чена чертами барокко: вместо прямой логи-
ческой линии мысль движется по «барочной
извилистой линии», с множеством отступле-
ний, которые, однако, оказываются необходи-
мыми звеньями. Композиция проповеди часто
строится как ряд частей, который можно про-
должать бесконечно; каждая из этих частей
связана с конкретным образом или симво-
лом — например, проповедник описывает
купцов на ярмарке с товарами или ступени
лестницы. Мысль святителя часто развивается
через столкновение противоположностей —
парадоксальное оказывается единственно ис-
тинным: ослы вдруг оказываются подобными
херувимам, паутина — крепкой, как камень,

а смиренная дева — отважнейшим военачальником. Все это было призвано показать неисчерпаемость содержания духовного мира и его невыразимость.

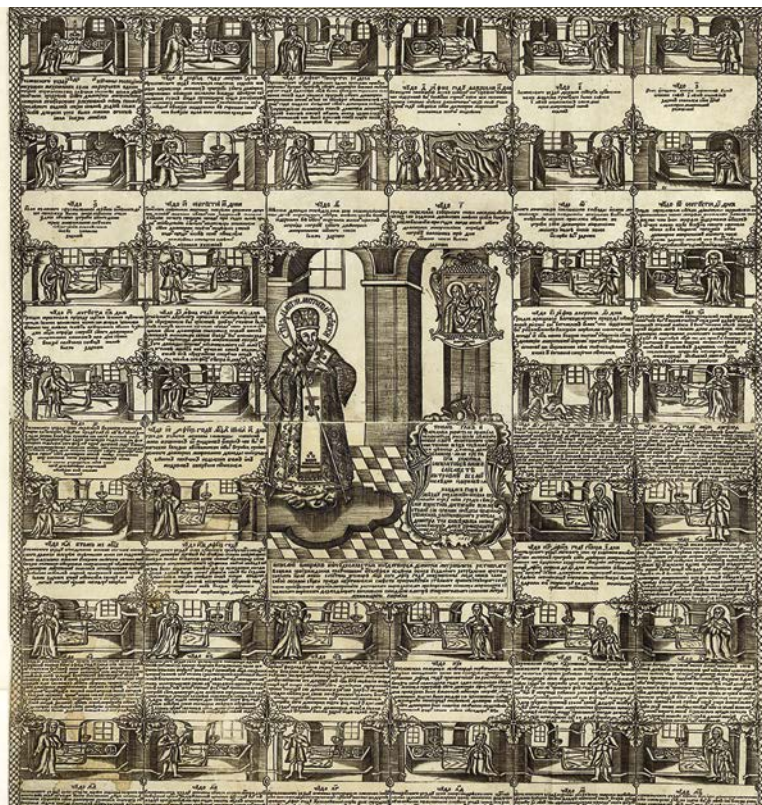
Святитель постоянно обращается к видению мира как иерархии, «лестницы тварей», восходящей к Творцу. Красота сотворенного мира лишь отблеск красоты Божественной. Однако вершина этой лестницы — Сам Бог — остается неприступной и невыразимой. Грех — это не просто нарушение закона, это искажение самой сути бытия. Поэтому излюбленное оружие святителя против лежащего во грехе мира — не гневное обличение, а ирония и раскрытие несоответствия между яркой видимостью и внутренней пустотой.

Учение о внутреннем человеке

Важная часть наследия Димитрия Ростовского связана с его учением о «внутреннем человеке». Эта тема проходит через все его труды — от ранних проповедей до сочинения «Внутренний человек в клети сердца своего уединенный», написанного уже в Ростове. В проповедях святителя все толкования ведут к человеческой душе. «Песнь песней», евангельские притчи — все это о тайной жизни души с Богом. Сердце человека — «сокровище», «алтарь Божий», «ложница и престол» души. В нем происходит встреча человека с Богом.

В эпоху, когда европейские богословы спорили о соотношении внешней праведности и внутренней веры, Димитрий предложил свой ответ. Он исходил из представления, что человек двояк: внешний и внутренний. Внешний человек молится устами, внутренний — умом. Соединиться с Богом можно только через «крайнюю сердечную любовь». Истинная любовь к Богу не ищет награды, она любит Творца ради Него самого. «То правдивая любовь, которая по апостолу не ищет своих си, не szukaет нагороды жадной, едно того единого прагнет, абы в божественной любви усладится».

Эта мысль перекликается с учениями католических богословов-августинистов XVII века — Блеза Паскаля и Франсуа Фенелона. Однако святитель Димитрий опирался не на них, а на общее для Востока и Запада наследие блаженного Августина и восточную аскетическую традицию. Его учение о любви к Богу стало от-

ветом на вызовы времени: на «внешнюю религию» обрядов и нравственных правил, с одной стороны, и на «сердечную веру» мистического индивидуализма — с другой.

Особое место в этом учении святителя о соотношении внутренней и внешней веры занимал вопрос о мученичестве. Для святителя Димитрия страдание — не самоцель и не способ заслужить спасение, но свидетельство любви к Богу. В житиях и школьных драмах святитель подробно описывает муки святых за веру, но избегает натуралистических подробностей, свойственных барочной культуре. «Терпяй же Бога ради посреди всего того яко крин в тернии обретается, в самом страдании уже начиная приимствовати начатия вечныя славы». По его мнению, страдание даже на сцене должно быть не зрелищем, а указанием на путь ко Христу.

Святитель учил, что любой искренне кающийся грешник может стать святым. В проповеди на день Всех святых он задается вопросом: «Мощно ли грешному человеку быти абие святым и с святыми имети место?» — и отвечает утвердительно, приводя примеры из Писания. Даже закоренелый грешник, если оставит прежний путь и обратится к Богу, обретает святость. «Да радуются убо святыи яко и грешницы им

*Святитель
Димитрий
Ростовский
с чудесами.
Тропарь, глас 8.
Лубок. XVIII в. РГБ*

Завещание
святителя
Димитрия,
митрополита
Ростовского
и Ярославского.
Лубок. XVIII в. РНБ

причисляются, и недостаточество ликов их наполняют. Да радуются и грешные, яко и им место между святыми обретается!» Путь к святости открыт каждому, кто от всего сердца ищет Бога.

В сочинении «Внутренний человек в клети сердца своего уединяет» святитель Димитрий дает практические наставления о том, как достичь внутренней молитвы. Это одно из первых в русской аскетической литературе сочинений, обращенных не к монахам, а к мирянам. Он объясняет, что такое умная молитва, как отгонять посторонние помыслы и как соединять ум с сердцем. «Собери убо вся своя помышления твоя и вся внешняя, житейская попечения отложив, представи ум твой Богу и зри Нань», — заключает он.

Внешняя мудрость и внутренняя мудрость

В своих проповедях святитель Димитрий иногда обращался к античным философам. Он приводит афоризмы Диогена, Анахарсиса, Солона, сравнивает языческую премудрость с христианской. Но делает это не для того, что-

бы блеснуть ученостью, а чтобы провести важную границу. Для него философия — не только наука познания мира, но и искусство правильной жизни. «Познай самого себя» — надпись на храме в Дельфах — становится для проповедника поводом поговорить о том, как человек должен знать свою душу. Языческие философы были мудры по-своему, но их мудрость была неполной, лишенной того, что дает благодать Святого Духа. «Элины премудрости ищут, мы же проповедуем Христа распятого, Божию силу и Божию премудрость».

Невежество для святителя — это не отсутствие знаний, а состояние ума, закрытого от Бога страстями и потому не желающего познавать истину. «Неученому бо простолюдину не токмо иныя о догматах веры право учить невозможно, но ниже самому правым путем шествовати удобно». Истинная мудрость, по Димитрию, не в количестве выученных книг, а в состоянии души, пребывающей в любви к Богу. Потому святая Екатерина, знавшая Гомера, Вергилия, Платона и Аристотеля, не противопоставляется «некнижным» апостолам, получившим мудрость от Святого Духа. Оба пути — и ученый, и простой — могут вести к Богу, если соединены с верой и любовью.

«Розыск раскольнической брынской веры»

Ростовская епархия была одним из центров церковного раскола и лжеучительства. Еще до возникновения церковного разделения, в 1652 году, Ростовский митрополит Иона (Сысоевич) обличал «раскольщиков», последователей некоего Капитона, которые отвергали церковную иерархию и таинства. Позднее именно здесь, в верхнем Поволжье, с 1660-х годов действовали старообрядческие проповедники самосожжений, а в конце XVII века в дремучих лесах одни за другими выросли скиты, где жили представители разных направлений «старой веры».

Это вынудило митрополита отложить все прочие дела и сесть за написание книги, которая бы изъясняла пастве, в чем неправда «расколуучителей». В 1709 году Димитрий завершил свой знаменитый «Розыск раскольнической брынской веры». От других полемических сочинений труд святителя отличал подход к проблеме раскола. Автор не уходил в обсуждение

частных вопросов — о крестном перстосложении, о написании имени Иисус, о числе концов креста, а показывал порочную логику «брынской веры» — подмену веры в невидимого Бога верой в осязаемые вещи: старую икону, старую книгу, старый обряд. «И уже не в Бозе невидимом веру и надежду спасения вашего полагаете, но в веществе зримых и осязаемых», — писал святитель. Тем самым «брыняне» впадали в идолопоклонство, хотя и не сознавали этого.

Особый интерес представляет его рассуждение об имени Иисус. Раскольники настаивали на написании «Исус» без второго «и», считая это единственно правильным. Димитрий, опираясь на греческий и еврейский языки, показывал, что имя «Иисус» означает «Спаситель» и «Целитель», тогда как вариант «Исус» лишен смысла, за исключением кощунственного «равноухий». Это не просто филологический спор: за ним стоит принципиальный вопрос о том, является ли имя Божие лишь внешней формой или несет глубочайший внутренний смысл.

Для святителя Димитрия раскольники — это люди, у которых нарушена иерархия внешнего и внутреннего. Они хвалятся подвижничеством, но судят о вере по внешним признакам, не видя состояния души. Обличитель доказывает, что обряды и тексты могут меняться, если суть веры остается неизменной. Он приводит примеры описок и неточностей в «старых» книгах и заключает: «Ни письма бо и речение каковое книжное спасает, но богоугодное житие спасает».

Наследие святителя

В 1709 году здоровье митрополита Димитрия стало ухудшаться. Сказывались многолетние ученые труды и суровые аскетические подвиги. Двадцать восьмого октября владыка по обыкновению служил Литургию в Успенском соборе Ростова, но не смог произнести проповедь и попросил певчего зачитать текст. Это было его последнее служение. Через несколько недель, 28 ноября по старому стилю, святитель Димитрий Ростовский скончался. По преданию, в момент кончины в келье распространилось благоухание.

В 1752 году обрушился пол в храме, где был погребен митрополит Димитрий. Мощи святи-

теля были обретены нетленными. В 1757 году, через сорок восемь лет после кончины, он был прославлен в лике святых. Так стало известно, что человек, который всю жизнь беседовал с угодниками Божиими в молитвах и трудах, сам стал святым. Своим примером он подтвердил свои слова о том, что святость достижима и в Новое время, что благодать можно обрести не только в далекой обители, но и среди дел и забот.

Труды Димитрия Ростовского по хронологии, церковной истории и толкованию Священного Писания заложили основы русской церковно-исторической науки. Его богословские сочинения, особенно о внутренней молитве, оказали влияние на русскую духовную традицию вплоть до XX века. Многие из того, чему учил святитель Димитрий — необходимость христианского просвещения, должное совершение таинств священниками, внимание к «внутреннему человеку», — все это вошло в церковную жизнь, хотя далеко не сразу и не без труда.

«Книги житий святых» стали самой читаемой книгой в Российской империи на протяжении XVIII–XIX веков. Жития святых читали и пересказывали в крестьянских избах и купеческих домах, по ним учились грамоте, ими вдохновлялись писатели и мыслители, от Александра Пушкина до Льва Толстого и Ивана Бунина.

Федор Михайлович Достоевский отмечал, что «по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четых Миней — о, не всей, конечно, книги, — но распространен дух ее по крайней мере, — почему же так? А потому, что есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четых Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах, и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное».

Так святитель Димитрий помог умерить неустойчивость расшатавшегося века.